

Политические процессы в меняющемся мире

DOI: 10.31249/kgt/2022.04.03

КНР и моделирование «новой геополитической реальности» в Африке

Евгений Ильич ЗЕЛЕНЕВ

доктор исторических наук, профессор, директор Института востоковедения и африканистики НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург
наб. канала Грибоедова, д. 123а, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 190068

E-mail: ezelenev@hse.ru

ORCID: 0000-0001-6602-1806

Мария Алексеевна СОЛОЩЕВА

кандидат исторических наук, доцент Кафедры исследований Китая, Юго-Восточной и Южной Азии НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург
наб. канала Грибоедова, д. 123а, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 190068

E-mail: msoloshcheva@hse.ru

ORCID: 0000-0002-4377-3244

ЦИТИРОВАНИЕ: Зеленев Е.И., Солощева М.А. КНР и моделирование «новой геополитической реальности» в Африке // *Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2022. Т. 15. № 4. С. 41–59.

DOI: 10.31249/kgt/2022.04.03

Статья поступила в редакцию 01.11.2022.

Исправленный текст представлен 25.11.2022.

АННОТАЦИЯ. Данная статья посвящена анализу потенциала Китая на африканском направлении в геополитическом, торгово-экономическом, финансово-инвестиционном и военно-стратегическом измерениях и их имплементации к китайско-африканской политике. Геополитические и экономические параметры развития китайско-африканских отношений имеют меньшую динамику роста по сравнению с геополитическим фактором. Приведенные данные позволяют начать серьезный анализ того, какие

из стран-последователей КНР оказываются под стратегической геополитической опекой Китая в степени, которая позволяет защищать в этих странах китайские интересы комплексно, то есть как политико-дипломатическим, так и военным путем. Авторы приходят к выводу, что еще недавно стабильные и прочные отношения между африканскими странами-последователями Китая и самой КНР в обозримом будущем неизбежно вступят в противоречие с интересами других глобальных игроков в Аф-

рике, прежде всего США. Экономическое содержание понятия «страна-последователь» постепенно приобрело неокOLONиальный смысл, когда отсталость африканских стран-последователей от их стран-лидеров не только не уменьшилась, но искусственно законсервировалась и даже возросла. Позитивный смысл понятия «страна-последователь» девальвировался. Стало возможно быть последователем сразу двух и более глобальных геополитических игроков одновременно. КНР предложила отказаться от заведомо неравноправной модели, в которой есть «страна-лидер» и «страна-последователь», в пользу партнерства по формуле win-win. В отличие от геополитических оппонентов, политика КНР в Африке оставляет африканским странам шанс на выбор пути развития и даже почти партнерские отношения на условиях поддержки китайской глобальной инициативы «Один пояс – один путь» и альтерглобальной стратегии строительства «Сообщества единой судьбы человечества». В период с 2017 по 2022 г. военный аспект, дополнив геополитический, занял важное место во внешней политике КНР, завершив тем самым оформление китайской геополитической доктрины глобального лидерства.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: китайско-африканские отношения, глобальное лидерство, новая геополитическая реальность, «драка за Африку», КНР.

Современный этап китайского проникновения на Африканский континент имеет более чем 20-летнюю историю¹. Он начался в 2000 г., когда состоялся первый Форум сотрудничества Китай – Африка (далее – ФСКА), проведенный под эгидой Цзян Цзэминя, тогда председателя Госсовета КНР². С исторической точки зрения китайская экономическая, политическая и культурно-идеологическая политика в Африке в XXI в. разделяется на три исторически обоснованных периода. Каждый из них в той или иной степени коррелируется с личными качествами и идеологическими взглядами трех председателей КНР: Цзян Цзэминя (1993–2003 гг.), Ху Цзиньтао (2003–2013 гг.) и Си Цзиньпина (2013 г. – по наст. вр.)³.

Для правильного понимания этого тезиса обозначим хронологические рамки каждого из периодов и приведем их характеристики:

1. Первый период – с 2000 по 2006 г. – имел ярко выраженную торгово-экономическую специфику. Китай активно искал рынки сбыта для своих товаров, и Африка сулила в этом отношении грандиозные перспективы, но с одной оговоркой: эти перспективы просматривались только в сравнительно далеком будущем. Дело в том, что на рубеже второго и третьего тысячелетий ВВП на душу населения, равно как и покупательная способность африканцев, находился на низком уровне, а в отдельных африканских странах был рекордно низким [Acetoglu,

1 Китайско-африканские отношения имеют многовековую историю. Они заметно активизировались во второй половине 1950-х годов под влиянием развернувшейся между КНР и Советским Союзом конкуренции за «гегемонию» над странами третьего мира, в т. ч. африканскими. Китай предлагал африканским странам сотрудничество на иной, чем СССР, основе – на знаменитых «пяти принципах мирного сосуществования», принятых на Бандунгской конференции 1955 г., в дальнейшем вошедших в состав 10 принципов Движения неприсоединения. Знаковым стал тур в 1963–1964 гг. Чжоу Эньлая по 10 африканским странам. Китайские исследователи характеризуют эту поездку как первый визит в Африку китайского лидера с целью поддержки африканского национально-освободительного движения и развития дружбы между Китаем и африканскими странами [Чжан, Пан, 2019, с. 47]. В 1990-е годы, после распада СССР, Африка оказалась в маргинальной зоне глобальной внешней политики, что в значительной мере справедливо и для внешней политики КНР.

2 Анализ 20-летней истории политики КНР в Африке см. в [Зеленев, Солощева, 2021а].

3 О роли председателей КНР во внешней политике КНР см. в [He, 2018].

Robinson, 2013]. Тем не менее Цзян Цзэминь выдвинул инициативу проведения первого ФСКА, «открыв» в XXI в. Африку для Китая, увидев в африканском направлении перспективу для китайской внешней политики и экономического роста⁴. Как это часто бывает в китайской политической культуре, развитию африканского вектора китайской внешней политики способствовало претворение в жизни инициативы Дэн Сяопина «Выхода во вне» (кит. “走出去”战略)⁵, хотя ранее этот лозунг относился в первую очередь к внешней политике по отношению к условному Западу. Цзян Цзэминь же имплементировал лозунг Дэн Сяопина именно применительно к Африке, что совпало, и возможно, неслучайно, с инициативой США, сформулированной в «Акте о росте и возможностях для Африки» 2000 г.⁶ По аналогии с этим актом уже в ходе второго ФСКА в 2003 г. некоторые виды африканской продукции было разрешено ввозить в КНР с нулевой ввозной пошлиной, а в отношении более 190 африканских товаров были сняты все таможенные тарифы, что, наряду с импортными стимулами для китайских компаний, открыло простор для взаимного товарообмена [Захаров, Русак, 2018]. И все же первый этап можно определить как минимально энергозатратный для китайской экономики. Приоритет отдавался самым простым и в то же время наиболее выгодным формам торгового обмена – продаже товаров китайского производства в обмен на закупку африканского сырья.

2. В период с 2007 по 2013 г. наряду с торговлей, сферой услуг и строительством ведущую роль в продвижении китайских интересов в Африке стало играть крупномасштабное инвестирование китайских капиталов в африканскую экономику. Ху Цзиньтао сделал Африку фактором китайского экономического роста с упором на торгово-экономические и финансово-инвестиционные инструменты политического влияния. Будучи представителем так называемого четвертого (молодого) поколения руководителей Китая, главным внешнеполитическим партнером КНР он считал США, ратовал за мирное урегулирование тайваньского вопроса [Дейч, 2014]. При нем своего апогея достигла китайская политика мягкой силы: по всему миру, включая Африку, развернулась сеть институтов Конфуция, а китайская политика на континенте приобрела пан-африканский характер. Для Китая стало нормой делиться с африканскими партнерами опытом «индустриализации», воспроизводя в Африке объекты, аналогичные созданным в самом Китае.

3. В 2013 г. в результате предсказуемой и мирной передачи власти к управлению КНР пришел Си Цзиньпин, влияние которого в стране сегодня сравнимо с влиянием Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина. При нем, что стало особенно заметно после подведения итогов прошедшего в октябре 2022 г. XX съезда КПК, была поставлена новая задача тотального освоения Африки и создания военных средств за-

4 Новый век совместного сплоченного сотрудничества Китая и Африки – речь председателя Цзян Цзэминя на церемонии открытия в Пекине Министерской конференции 2000 г. на Первом Форуме сотрудничества Китай – Африка = 中非携手合作共迎新的世纪——江泽民主席在“中非合作论坛—北京2000年部长级会议”开幕式上的讲话 // Focac.org. – URL: http://www.focac.org/chn/zywx/zyjh/200409/t20040902_7875858.htm (дата обращения: 06.05.2022).

5 Лучше реализовывать стратегию «Выхода вовне» = 更好地实施“走出去”战略 // Gov.cn. – URL: http://www.gov.cn/node_11140/2006-03/15/content_227686.htm (дата обращения: 07.07.2022).

6 African Growth and Opportunity Act // Ustr.gov. – URL: <https://ustr.gov/issue-areas/trade-development/preference-programs/african-growth-and-opportunity-act-agoa> (дата обращения: 25.10.2021).

щиты китайских интересов в этом регионе⁷.

К началу 2023 г. Китай подошел со сформированной и работоспособной доктриной укрепления своего политического, экономического и культурно-идеологического влияния в Африке. Есть косвенные признаки того, что Китай выработал стратегический подход к Африке, смысл которого состоит уже не только в укреплении китайского политико-экономического господства на континенте, но и в приобщении Африки к китайским планам глобального передела мира [Зеленев, Солощева, 2021a].

Тема китайского проникновения в Африку, укрепления китайских политических позиций в Африке широко освещается в научных работах как китайских, так и зарубежных, прежде всего европейских и североамериканских, авторов. Выделим наиболее важные работы китайских исследователей, изучавших внешнюю политику КНР в Африке. Официальный взгляд на политику Китая, а фактически на политический курс КПК в отношении Африки, можно найти в работах профессора Партийной школы при ЦК КПК Ло Цзяньбо [Ло, 2019]. О повышении значения фактора безопасности для китайских граждан за рубежом пишет профессор Пекинского университета Ли Аньшань [Ли, 2022]. Персональному вкладу Си Цзиньпина в развитие

нового этапа китайско-африканских отношений посвящена статья китайского исследователя У Чуаньхуа [У, Хэ, Вэй, 2022]. Различным аспектам китайско-африканских отношений посвящены работы Инь Юэ, Ли Сяюнь, Чжан Чуаньхун и др. [Инь, 2022; Ли, Чжан, 2022; Чжан, Пан, 2019].

В данной статье проанализирован потенциал Китая на африканском направлении при помощи стратегических измерений, разработанных авторами данного исследования [Зеленев, Солощева, 2022]. Речь идет о геополитическом, торгово-экономическом, финансово-инвестиционном и военном измерениях и их имплементации к анализу китайско-африканской политики⁸.

Геополитическое измерение

Упомянутый выше XX съезд КПК подвел итоги пятилетнего развития Китая, указав на то, что, согласно новому этапу идеологического развития, КНР перешла от роли регионального лидера к этапу борьбы за глобальное лидерство. На это, в частности, указывает тезис о том, что, наряду с социализмом с китайской спецификой, китайская глобальная стратегия будет опираться на концепцию о единой судьбе человечества, смысл которой – создание «новой формы человеческой цивилизации»⁹. В другой программной речи

7 Си Цзиньпин: Высоко неся великое знамя социализма с китайской спецификой, сплоченно бороться за всестороннее строительство модернизированного социалистического государства – доклад на 20-м Всекитайском съезде КПК = 习近平：高举中国特色社会主义伟大旗帜为全面建设社会主义现代化国家而团结奋斗——在中国共产党第二十次全国代表大会上的报告, October, 2022 // Fmprc.gov.cn. – URL: https://www.fmprc.gov.cn/zyxw/202210/t20221025_10791901.shtml (дата обращения: 31.10.2022).

8 Наряду с упомянутыми выше существует еще культурно-идеологическое измерение. Оно в значительной степени обусловлено двумя первыми измерениями и в контексте данной статьи не играет принципиальной роли. Желающие могут ознакомиться с содержанием данного измерения в статье [Зеленев, Солощева, 2022].

9 Си Цзиньпин: Высоко неся великое знамя социализма с китайской спецификой, сплоченно бороться за всестороннее строительство модернизированного социалистического государства – доклад на 20-м Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая = 习近平：高举中国特色社会主义伟大旗帜为全面建设社会主义现代化国家而团结奋斗——在中国共产党第二十次全国代表大会上的报告, October, 2022 // Fmprc.gov.cn. – URL: https://www.fmprc.gov.cn/zyxw/202210/t20221025_10791901.shtml (дата обращения: 31.10.2022).

генерального секретаря КПК говорилось о создании в Китае нового типа человеческой цивилизации, возникшего как результат строительства социализма с китайской спецификой во взаимодействии с концепциями материальной, политической, духовной, социальной и экологической цивилизаций¹⁰.

Смысл данной трансформации становится понятен, если ознакомиться с трудами одного из корифеев китайской общественной мысли Лян Шумина (1893–1988). Согласно его мнению, цивилизационное развитие – это, прежде всего, формирование более или менее стабильных ценностных ориентиров общества. Ценностные ориентиры, в свою очередь, происходя из реалий материального мира, по сути своей носят идеологемный характер, то есть постулируются как ценности духовного порядка, независимо от того, касаются ли они вопросов экономики, политики или культуры. Стержневой культурой, вокруг которой должна формироваться будущая универсальная культура человечества, будет китайская культура, возрожденная в контексте социалистического или даже коммунистического общественного строя [Li, Zhao, 2009].

Внешнеэкономический, если так можно выразиться, меркантилизм, столь характерный для первого и отчасти для второго периода китайско-африканских отношений в XXI в., постепенно уступил место более уравновешенной внешнеполитической стратегии, согласно которой геополитическое измерение оказалось сбалансированным с сугубо экономическими интересами, а в ряде случаев даже отодвину-

ло их на второй план, как, например, это имело место во взаимоотношениях КНР с Южным Суданом, по отношению к которому Китай выступил своеобразным «спонсором» выделения этой страны из состава Судана в 2011 г. После 2013 г. геополитический фактор постепенно стал выходить на первое место в качестве приоритета африканской политики КНР, оттесняя на второй план торговые и финансово-инвестиционные интересы.

В пункте 3.1 программного документа ФСКА 2021 г. «Перспективы сотрудничества Китая и Африки до 2035 года» предпочтительным форматом сотрудничества КНР с африканскими странами стали, наряду с двусторонними, трехсторонние и многосторонние отношения¹¹. Речь идет о создании как экономических, так и политических блоков, объединенных общими государственными интересами, включая интересы государственной безопасности. Свидетельством готовности африканских стран всего континента развивать отношения в русле китайской внешнеполитической доктрины является заключение подавляющим большинством стран договоров с КНР в рамках глобальной инициативы «Один пояс – один путь»: на сегодняшний день договоры подписаны с 52 из 54 африканских стран.

Согласно исследованиям, проведенным авторами данной статьи, геополитическое измерение, то есть совокупность китайских геополитических интересов в Африке, включает следующие базовые параметры: численность населения, площадь страны, плотность населения, наличие или отсутствие

10 Си Цзиньпин. Речь на торжественном собрании по случаю столетнего юбилея коммунистической партии Китая = 习近平在庆祝中国共产党成立100周年大会上的讲话, July, 2022 // Xinhuanet.com. – URL: http://www.xinhuanet.com/2021-07/01/c_1127615334.htm (дата обращения: 21.09.2022).

11 Перспективы сотрудничества Китая и Африки до 2035 года = 中非合作2035年愿景, December 2021 // Focac.org. – URL: http://www.focac.org/chn/zywx/zywj/202112/t20211208_10464357.htm (дата обращения: 31.10.2022).

у страны выхода к морю, расположение на стратегически важных трансконтинентальных логистических маршрутах, размеры китайской диаспоры на территории страны и, конечно же, дружелюбно настроенное по отношению

к Китаю политическое руководство и основные политические элиты страны. В итоге африканские страны располагаются в рейтинговом порядке по мере убывания их геополитической значимости для Китая (см. таблицу 1)¹².

Таблица 1. Рейтинг африканских стран по их геополитической привлекательности для КНР

Table 1. Rating of African countries according to their geopolitical attractiveness for China

1. Нигерия	6. Ангола	11. Гана
2. ЮАР	7. Танзания	12. Судан
3. Египет	8. Марокко	13. Зимбабве
4. Кения	9. Эфиопия	14. Тунис
5. Алжир	10. ДР Конго	15. Кот-д'Ивуар

Источник: составлено по материалам [Зеленев, Солощева, 2022].

Торгово-экономическое и финансово-инвестиционное измерения

Как уже было сказано выше, драйвером китайской внешней политики в Африке на первых двух этапах была экономика, в первую очередь торговля и финансово-инвестиционная деятельность. Пропустив вперед геополитику, эти факторы остались важнейшими и на текущем историческом этапе. Более того, уступая геополитике в экономически неприоритетных регионах Африки, экономический фактор продолжает играть решающую роль там, где концентрируются китайские национальные экономические интересы. В связи с этим подчеркнем неуклонно возрастающую китайскую экономиче-

скую активность в регионах Восточной и Северной Африки, которые играют ведущую роль в формировании панафриканской логистической структуры.

В данной статье мы не будем глубоко анализировать торгово-экономический и финансово-инвестиционный аспекты китайской политики в Африке, по которым существует множество исследований¹³. Ограничимся лишь приведением рейтинга африканских стран согласно их торгово-экономической и финансово-инвестиционной привлекательности для КНР (см. таблицу 2).

Рейтинг торгово-экономической привлекательности основан на следующих показателях: объемы импорта, экспорта и совокупной торговли, доля китайских товаров в совокупном импорте африканской страны и доля вы-

¹² В данной статье будут приведены первые 15 стран каждого рейтинга. С полным списком из 54 стран и количественными показателями по каждому из параметров всех измерений влияния читатель может познакомиться в работе: Зеленев Е.И., Солощева М.А. Генеральная матрица влияния – URL: <https://docs.google.com/spreadsheets/d/1-PR9NpUzVYU4UPWE9iL3Sb-bH-PZglvDvCizveGKtwm0/edit#gid=251463540> (дата обращения: 31.10.2022)

¹³ См., к примеру, [Lisimba, 2020; Xu, Zhang, 2022; Mourao, 2018].

Таблица 2. Рейтинг африканских стран по их торгово-экономической и финансово-инвестиционной привлекательности для КНР**Table 2.** Rating of African countries according to their trade and investment attractiveness for China

Рейтинг торгово-экономической привлекательности	Рейтинг финансово-инвестиционной привлекательности
1. Ангола	1. Ангола
2. ДР Конго	2. Эфиопия
3. ЮАР	3. Кения
4. Габон	4. Замбия
5. Гана	5. Нигерия
6. Конго	6. Египет
7. Нигерия	7. ЮАР
8. Ливия	8. ДР Конго
9. Южный Судан	9. Судан
10. Замбия	10. Камерун
11. Судан	11–13. Гана
12. Гвинея	11–13. Конго
13–14. Эфиопия	11–13. Танзания
13–14. Камерун	14. Уганда
15. Кения	15. Мозамбик

Источник: составлено по материалам [Зеленев, Солощева, 2022].

возимых в Китай товаров от совокупного экспорта африканской страны, объем импортируемых Китаем энергоносителей, наличие у африканской страны профицита в торговле с Китаем и наличие ресурсных товаров, имеющих высокую долю в импорте этого товара КНР.

Рейтинг финансово-инвестиционной привлекательности основан на сравнении следующих показателей: балансовой стоимости ПИИ, суммы займов, дохода КНР от строительных проектов в странах Африки, долга страны перед КНР и его соотношения с ВВП страны.

Военное измерение

После 2013 г. и особенно после XX съезда КПК геополитическое измерение стало играть первенствующую роль в китайской африканской политике. Важнейшим аргументом в пользу тезиса об усилении геополитического вектора китайской политики в Африке может служить создание и функционирование в Джибути многофункциональной китайской военной базы, именуемой в китайском политическом лексиконе Базой обеспечения Народно-освободительной армии Китая (中国人民解放军驻吉布提保障基地)

и являющейся в настоящий момент единственной официальной военной базой КНР за рубежом. Примечательно, что ни в одном другом регионе мира (Европа, обе Америки, Азия и Океания) Китай не заявил столь решительно о своих геополитических интересах за пределами своих государственных границ, и более того – о готовности защищать эти интересы всеми доступными средствами, включая военные. За очень короткий период времени, с 2017 по 2022 г., Китай стремительно нарастил присутствие своих вооруженных сил в Африке, фактически достигнув паритета с США и обогнав по численности вооруженных лиц второго по мощи военно-политического игрока в регионе – Францию.

В вышеприведенном утверждении есть некоторое преувеличение. Дело в том, что китайских военнослужащих в прямом смысле этого слова в Африке сравнительно немного: 2,5–3 тыс. человек на военной базе в Джибути и примерно столько же в составе вооруженных сил специальных операций ООН. Однако есть еще одна очень важная категория специально подготовленных вооруженных и готовых к действию граждан КНР на территории Африки. Речь идет о многочисленном контингенте служащих китайских частных охранных компаний (ЧОК), многие из которых выполняют функции частных военных компаний (ЧВК). По оценочным данным, на сегодняшний день в Африке действует 10 китайских ЧОК. Согласно имеющимся в открытом доступе сведениям, количество служащих ЧОК КНР в Африке может уже сегодня достигать 2,5 тыс. человек. При этом контингент стремительно растет. Большинство крупных китайских экономических объектов в Африке, а их чис-

ло исчисляется сотнями, обеспечивает свою безопасность с помощью ЧОК [Ли, 2018; Зеленев, Солощева, 2021b].

Представители этих компаний продолжают организовывать безопасность этих объектов и после окончания строительства, что, собственно, и обеспечивает стремительный рост этой категории китайских военнослужащих. В качестве примера, иллюстрирующего масштаб данного явления и покровительственное государственное отношение к нему, приведем сравнительно недавно (в 2017 г.) вышедший в Китае художественный фильм «Война волков 2», в котором воспевается подвиг китайского гражданина, осужденного за нарушение армейского устава на родине и получившего право искупить свою вину работой в ЧОК в одной из африканских стран. До недавнего времени этот фильм считался самым коммерчески прибыльным в китайской киноиндустрии, при бюджете в 30 млн долларов собрав свыше 870 млн долларов и вызвав широкий общественный резонанс – феноменальный результат для китайского кинематографа¹⁴. Данная история оценивается как масштабная санкционированная государством кампания по привлечению китайских граждан к работе в Африке в составе ЧВК и ЧОК.

В 2019 г. независимыми журналистами была зафиксирована максимально высокая численность военнослужащих в Африке. Это произошло в тот момент, когда на военной базе в Джибути одновременно оказались сконцентрированы китайский ооновский контингент и приехавший ему на смену контингент военнослужащих. В общей сложности количество военных на базе приблизилось к 10 тыс. – максимально разрешенным правительством Джибути [Зеленев, Солощева,

14 Wolf Warrior 2 // Boxofficemojo.com. – URL: <https://www.boxofficemojo.com/releasegroup/gr3036500485/> (дата обращения: 31.10.2022).

2021b]. Внесем важное уточнение: китайская официальная статистика о динамике численности контингента НОАК в Африке в свободном доступе отсутствует. Что же касается оценочных данных, распространенных в мировых СМИ, то, согласно им, китайское военное присутствие неуклонно возрастает, тогда как военное присутствие США сохраняет прежний уровень, а в определенные моменты (при администрации президента Трампа) даже сокращалось.

Изложенное выше определяет такие параметры измерения военного влияния, как количество действующих на территории страны ЧОК и представительств ЧОК, наличие на территории страны китайского военного контингента (включая контингент ООН) и военной базы КНР. Кроме них измерение включает и другие параметры, например наличие портов, обслуживающих ВМФ НОАК, и объем торговли оружием. Рейтинг военной привлекательности стран приведен в таблице 3.

Таблица 3. Рейтинг африканских стран по их военной привлекательности для КНР
Table 3. Rating of African countries according to their military attractiveness for China

1. Джибути	6. Гана	11. Мали
2. Кения	7. Эфиопия	12. Мозамбик
3. ЮАР	8. Южный Судан	13–14. Египет
4. Нигерия	9. Уганда	13–14. Габон
5. Судан	10. Мадагаскар	15. Замбия

Источник: составлено по материалам [Зеленев, Солощева, 2022].

Объединим рейтинги геополитической, торгово-экономической и финансово-инвестиционной привлекательности в общий рейтинг, который скорректируем, объединив с рейтингом военной привлекательности африканских стран для КНР. Данный подход совершенно новый, поскольку еще несколько лет назад ни о каком военном присутствии КНР в Африке говорить не приходилось. Сегодня же с повышением значимости этого фактора, хотя он и не меняет принципиально общей картины в отношении состава десятки лидеров, рейтинг привлекательности африканских стран приходит в движение. В качестве примера в таблице 4 приведены 15 стран, наиболее важных с точки зрения геополитики и экономики, а также коррекция этого рейтинга с помощью принятия в расчет военного измерения.

После 2020 г. геополитические и экономические параметры остаются стабильными, тогда как военный фактор имеет тенденцию к значительному росту. Приведенные данные позволяют начать серьезный анализ того, какие из стран – последователей КНР постепенно, но неуклонно оказываются под стратегической геополитической опекой Китая в такой степени, какая позволяет защищать в этих странах китайские интересы комплексно, то есть не только политико-дипломатическим путем, но и, если возникнет необходимость, военным. В последние годы не только на медийно-журналистском или экспертном, но и на вполне официальном государственном уровне говорится о том, что афористическая фраза «драка за Африку» (*Scramble for Africa*), изрядно подзабытая в конце XX в., вновь становится актуальной.

Таблица 4. Сравнение рейтинга привлекательности африканских стран для КНР с учетом и без учета военного фактора

Table 4. Comparison of the Rating of African countries for China with and without military factor

Рейтинг привлекательности африканских стран для КНР без учета военного измерения	Рейтинг привлекательности африканских стран для КНР с учетом военного измерения
1. Ангола	1. ЮАР
2. ЮАР	2. Нигерия
3. Нигерия	3. Кения
4. ДР Конго	4. Эфиопия
5. Кения	5. Гана
6. Эфиопия	6. Судан
7. Египет	7. Ангола
8. Гана	8. Египет
9. Замбия	9. Замбия
10. Судан	10. ДР Конго
11. Танзания	11. Мозамбик
12. Камерун	12. Габон
13. Алжир	13. Джибути
14. Конго	14. Алжир
15. Мозамбик, Гвинея, Кот-д'Ивуар	15. Уганда

Источник: составлено по материалам [Зеленев, Солощева, 2022].

Обращает на себя внимание высказывание высокопоставленного американского военного генерала С. Таунсенда о том, что противостояние США и КНР в Африке следует рассматривать ни много ни мало как начальную фазу Третьей мировой войны. Более того, Китай, наряду с Россией, объявляется вероятным военным противником США [Фитуни, 2019, с. 19]. Отметим, что это произошло гораздо раньше обострения военно-политической обстановки в Восточной Европе в связи с началом СВО на территории Украины. Разумеется, учитывая сравнительно небольшие военные контингенты стран-конкурентов в Африке, прежде

всего КНР и США, а также не вполне последовательную политику США на африканском направлении, говорить о прямой угрозе военного столкновения ведущих глобальных держав в Африке едва ли правомерно [Лукин, 2022, с. 24–25]. Но потенциальный характер такой угрозы существует.

Геополитический, военный, торгово-инвестиционный и финансово-экономический факторы составили несущий каркас китайского стратемиического видения Африки в ряду других регионов мира.

Анализируя комплексно феномен китайского присутствия в Африке в первой четверти XXI в., правомерно сделать вывод о том, что упрочение отношений между африканскими *странами* – *последователями* Китая и самой КНР неизбежно в обозримом будущем вступит в противоречие с интересами других глобальных игроков в Африке, прежде всего США. Причем до активного вовлечения Китая в «драку за Африку» термин *страна-последователь*, который разрабатывался в рамках теории зависимого развития многими авторами, прежде всего представлявшими научное сообщество так называемого условного Запада, имел преимущественно экономический, а в определенных случаях неокOLONиальный смысл [Cardoso, Faletto, 1979; Amin, 1975; Prebisch, 2006]. В первые два десятилетия XXI в. коннотация данного понятия приобрела новые смысловые грани. Экономическое содержание понятия всё больше окрашивалось неокOLONиальным смыслом, когда преодоление отсталости африканских *стран-последователей* от *стран-лидеров* не просто не уменьшалось, а искусственно консервировалось и даже возрастало. Позитивный смысл понятия «страна-последователь» девальвировался настолько, что стало возможным быть последователем не обязательно одного, а двух и более глобальных геополитических игроков одновременно. В качестве примера приведем Республику Джибути, на территории которой расположено сразу восемь иностранных военных баз, или Египет, чья геополитическая ориентация в современном мире носит весьма размытый характер.

Начиная с прихода к власти в КНР в 2013 г. Си Цзиньпина внешнеполи-

тическая риторика Китая пополнилась целым рядом лозунгов и понятий, разрушающих привычный неокOLONиальный смысл понятия «страна-последователь». Речь идет о таких инициативах, как концепция «Сообщества единой судьбы человечества», сотрудничество по принципу *win-win*, принцип мультилатерализма, партнерство как альтернатива доминированию и т. п. Всё это обрамлялось в глобальную доктрину «Одного пояса – одного пути», в рамках которой китайское лидерство по отношению к *странам-последователям* формализовалось в двусторонние межгосударственные соглашения и взаимные обязательства.

Мировые СМИ в подавляющем большинстве критиковали КНР, обвиняя ее в демагогии и экспансионизме. Возникла острая идеологическая коллизия, именуемая в западных СМИ борьбой со стратегическим проектом «Нить жемчуга». Суть проекта заключается в создании двух десятков китайских береговых опорных пунктов на южно-азиатском и африканском побережьях Индийского океана. Цель опорных пунктов – обеспечить защиту морских торговых путей и создать геополитические базы для торгового проникновения вглубь Африканского континента на всем протяжении его океанского побережья. Китай существование подобной экспансионистской концепции отрицает¹⁵. Сложилась парадоксальная ситуация, когда КНР, используя экономические и финансовые рычаги, действительно устанавливала контроль над геополитически важными объектами африканских и ряда южноазиатских стран, одновременно с этим утверждая, что делает это в интересах самих африканских и ази-

¹⁵ Ван Юань, «Проект муссон»: Индия препятствует развитию культурных и дипломатических отношений в рамках «Одного пояса и Одного пути» = 王媛, “季风计划”: 印度对“一带一路”在文化外交领域的围堵 // China.com.cn. – 2018. – March. – URL: http://news.china.com.cn/world/2018-03/22/content_50737408_2.htm (дата обращения: 31.10.2021).

атских стран. Особый интерес для КНР представляли морские и авиационные порты, логистическая инфраструктура, объекты энергетики и т. д. При этом «миролюбивый» характер китайской внешней политики выглядел как весьма искусная идеологическая маскировка реальных шагов по укреплению китайского геополитического влияния в регионе.

Естественно, у многих объективных наблюдателей возникает вопрос: является ли политика КНР в Африке своеобразным, если угодно, изводом западного неокOLONиализма либо это что-то совершенно иное? Здесь уместно вспомнить, что Китай является не только мощнейшей мировой экономикой, органично вписанной в мировую финансово-экономическую систему, где, безусловно, доминирует капиталистический уклад, а если следовать марксистской методологии, то финансово-монополистический капитализм. Одновременно с этим Китай объективно занимает лидирующую позицию в группе стран, сохранившей приверженность социалистическому пути развития (Куба, КНДР, СРВ и др.). Согласно официально принятой в КНР марксистской идеологии, социализм развивается на экономической базе капитализма. Государственная же надстройка – социалистическое государство, которое опирается на экономику капиталистического типа, должно быть уже не буржуазным, обслуживающим интересы класса капиталистов и элитарных олигархических групп, а общенародным. Оно должно действовать в интересах абсолютного большинства трудящихся собственной страны и трудящихся дружественных зарубежных стран, оказывая помощь народам, борющимся против угнетения, за свое

освобождение и развитие. Доктрина «Один пояс – один путь» официально подается как проект альтернативного существующему мироустройства, основанного на партнерских отношениях между странами ради достижения вышеназванной цели. На XIX съезде КПК (2017 г.) по предложению Си Цзиньпина в устав КПК было внесено изменение, согласно которому Китай продолжает строить социализм, но «с китайской спецификой». Си Цзиньпин последовательно отстаивает идею, что в новых условиях XXI в., став, по сути, крупнейшей государственной экономикой мира, Китай продолжает развиваться по социалистическому пути, то есть строит общественный строй, альтернативный капиталистическому. В 2018 г. по настоянию Си Цзиньпина идея о социализме с китайской спецификой в новую эпоху была официально включена в Конституцию КНР [Ло, 2022]. Из сказанного вытекает, что идеи социализма для Китая актуальны, а следовательно, актуальными и неизменными остаются социалистические принципы солидарности трудящихся всего мира в их борьбе за социальную справедливость и против империалистического угнетения.

Отвечая на вопрос, является ли политика КНР в Африке неокOLONиальной или она строится на иных принципах, обратимся к документам XX съезда КПК, а именно к тезису о приверженности Китая строительству социализма с национальной спецификой. Эта специфика допускает сосуществование социально-ориентированного государства с многоукладной экономической моделью развития, где доминирующими являются госкапиталистический и частнокапиталистический уклады¹⁶. Это принципиально отличает ки-

16 А.Д. Воскресенский весьма остроумно описал китайскую политико-экономическую модель как вариант «эклeктично-синкретической модели комбинированного типа с опорой на развитые страны» [Модель..., 2019, с. 722].

тайскую модель социализма от ее советского аналога. Подобная двойственность находит отражение и во внешней политике КНР. Китайские идеологические принципы постулируют особые, дружеские, партнерские отношения с «незападными» развивающимися, в том числе африканскими, странами, сочетаясь с экономическим и финансово-инвестиционным прагматизмом, когда китайский внутригосударственный контроль борется с внешнеэкономической неэффективностью, наносящей вред китайским экономическим интересам. Возникает парадоксальное сочетание внешнеполитического «социалистического курса», граничащего с филантропией со стороны государства, с жесткими методами капиталистической эксплуатации и финансового закабаления, практикуемого частными китайскими компаниями. Если сравнивать китайскую политико-экономическую модель взаимоотношений с африканскими странами с моделью западной неокOLONиальной политики, то становится очевидно, что Китай открывает для африканского континента перспективы роста и развития в гораздо большей степени, чем это делают другие влиятельные глобальные политические игроки.

В пользу вышеприведенного тезиса говорит то, что Китай безусловно способствует тому, чтобы африканские страны приблизились и освоили четвертый технико-экономический

уклад с характерными для него индустриализацией, созданием сети производственных мощностей, способных удовлетворять потребности африканского населения. Этой цели служат логистические, инфраструктурные, энергетические мегапроекты, которые Китай осуществляет в различных регионах Африки, что, собственно, и отличает китайскую политику в этом регионе мира от политики его оппонентов.

Именно поэтому на фоне китайских альтерглобальных амбиций естественным стал вектор усиления роли силовых методов во внешней политике КНР, который был сформулирован в так называемых Белых книгах Госсовета КНР, опубликованных в 2015–2020 гг. Первая Белая книга «О военной стратегии» (2015 г.) официально зафиксировала внешнеполитический курс на расширение военного присутствия Китая за рубежом, оформив его новую концепцию военно-морской политики¹⁷. Согласно этой концепции, целью ВМФ НОАК стала уже не только защита территориальных вод Китая, но и оборона стратегических морских линий связи и защиты китайских интересов за рубежом¹⁸. Развитие официальной стратегии было формально закреплено в Белых книгах «Национальная оборона Китая в новую эру» (2019 г.)¹⁹ и «Вооруженные силы Китая: 30 лет миротворческих операций ООН» (2020 г.)²⁰.

В период с 2017 по 2022 г. военный аспект в обосновании внешней поли-

17 Подробно о военной реформе см. Lee R., Clemens M. China Maritime Report No. 9: Organizing to Fight in the Far Seas, The Chinese Navy in an Era of Military Reform // U.S. Naval War College. – 2020. – URL: <https://digital-commons.usnwc.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1008&context=cmssi-maritime-reports> (дата обращения: 31.10.2021).

18 Белая книга «Китайская военная стратегия» = 《中国的军事战略》白皮书 // 中华人民共和国国务院新闻办公室 // Scio.gov.cn. – 2015. – May. – URL: <http://www.scio.gov.cn/zfbps/ndhf/2015/Document/1435161/1435161.htm> (дата обращения: 30.10.2021).

19 Белая книга «Национальная оборона Китая в новую эру» = 《新时代的中国国防》白皮书 // 中华人民共和国国务院新闻办公室 // Scio.gov.cn. – 2019. – July. – URL: <http://www.scio.gov.cn/zfbps/32832/Document/1660314/1660314.htm> (дата обращения: 30.11.2021).

20 Белая книга «Вооруженные силы Китая: 30 лет миротворческих операций ООН» = 《中国军队参加联合国维和行动30年》白皮书 // 中华人民共和国国务院新闻办公室 // Scio.gov.cn. – 2020. – September. – URL: <http://www.scio.gov.cn/zfbps/32832/Document/1687750/1687750.htm> (дата обращения: 30.11.2021).

тики КНР занял важное место, завершив тем самым оформление китайской геополитической доктрины глобального лидерства. В этом контексте понятия бинарной оппозиции «страна-лидер» – «страна-последователь» постепенно трансформировалась в понятия «страна – геополитический партнер» и «страна – политический союзник». Положения отчетного доклада Си Цзиньпина на XX съезде КПК, в котором, образно говоря, объявлено, что внешнеполитическое миролюбие КНР должно быть с кулаками, лишь подтвердили приверженность руководства КНР выбранному курсу.

Обновленный внешнеполитический курс КНР неизбежно влечет переформатирование геополитической карты африканского региона, а также радикализацию геополитических противоречий между конкурентами на африканском геополитическом поле. Другим неизбежным последствием современного китайского внешнеполитического курса, причем в сравнительно скором будущем, станет формирование конкурирующих военно-политических блоков африканских государств под эгидой ведущих мировых держав. КНР в этом вопросе опирается на вооруженные силы дружественных африканских государств, содействуя их укреплению, тогда как страны коллективного Запада видят в усилении африканских локальных вооруженных сил скорее угрозу своим интересам, чем благо. Приведем пример двух групп африканских государств, объединенных китайскими геополитическими интересами в неформальные коалиции, способные перерасти в военно-политические блоки. Речь идет о группе стран в Северо-Восточной Африке – Джибути, Кении, Эфиопии, Судане и примыкающем к ним Южном Судане, а также геополитическом блоке Ангола – Замбия – Мозамбик, разделяющем Южную и Цен-

тральную Африку. Отметим, что только коррективировка рейтинга привлекательности африканских стран с помощью военного измерения позволяет объединить все названные африканские страны в группу пятнадцати главных союзников КНР в Африке.

Едва ли не эталонную модель военного сотрудничества КНР с зарубежными странами представляют собой взаимоотношения КНР с Исламской Республикой Пакистан – первой страной, которая перевела свои вооруженные силы с американской навигационной системы *GPS* на китайскую *Beidou*. В настоящий момент, вопреки жесткому противодействию со стороны США, вопрос о частичном или полном переходе вооруженных сил на эту систему обсуждают военно-политические элиты Саудовской Аравии и Кувейта. В недалеком будущем этот вопрос станет перед большинством африканских стран, чей переход на китайские стандарты спутниковой связи сделает их военно-политическими союзниками Китая и одновременно, помимо их желания, военно-политическими противниками США.

Пока китайская военно-политическая блоковая дипломатия в Африке делает свои первые шаги, и процесс этот до последнего времени носил латентный (скрытый для непосвященных) характер. Со стороны африканских лидеров, а порой и политических элит отмечается непоследовательность, понятные в данном случае колебания, а порой даже отступление назад, что не меняет в целом общей картины. После этапа колонизации, затем деколонизации в эпоху биполярного мира, завершившегося в 1990-е годы с распадом СССР, африканский континент вновь приходит в динамичное геополитическое движение, триггером которого выступает политика КНР в этой части мира.

Список литературы

Дейч Т.Л. Китай завоевывает Африку. – Москва : ИАФР РАН, 2014. – 380 с.

Захаров А.Н., Русак Н.А. Внешняя торговля Китая со странами Африки // Российский внешнеэкономический вестник. – 2018. – № 4. – С. 68–75.

Зеленев Е.И., Солощева М.А. 20 лет политики КНР в Африке: из прошлого в будущее // Азия и Африка сегодня. – 2021. – № 2. – С. 5–14. – DOI: 10.31857/S032150750013956-3.

Зеленев Е.И., Солощева М.А. Военная стратегия и военное присутствие КНР в Африке: сравнительно-исторический ракурс // Сравнительная политика. – 2021. – Т. 12, № 3. – С. 142–164. – DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10033.

Зеленев Е.И., Солощева М.А. Китай в Африке: от стран-партнеров к странам-последователям. Часть 1 // Азия и Африка сегодня. – 2022. – № 7. – С. 12–21. – DOI: 10.31857/S032150750020973-2.

Лукин А.В. Американо-китайский конфликт в свете истории международных отношений // Мировая экономика и международные отношения. – 2022. – Т. 66, № 1. – С. 16–27. – DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-1-16-27.

Модель развития современного Китая. Оценки, дискуссии, прогнозы / под ред. А.Д. Воскресенского. – Москва : Стратегические изыскания, 2019. – 736 с.

Фитуни Л.Л. На пути к новой bipolarности: геэкономика и геополитика противостояния в Африке // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2019. – Т. 12, № 3. – С. 6–29. – DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-3-6-29.

Acemoglu D., Robinson J.A. Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty. – Great Britain : Profile Books Ltd., 2013. – 560 p.

Amin S. Neo-Colonialism in West-Africa. – Harmondsworth : Penguin Books, 1973. – 298 p.

Cardoso F.H., Faletto E. Dependence and Development in Latin America. – Berkley : University of California Press, 1979. – 227 p.

He A. The Emerging Model of Economic Policy Making under Xi Jinping. China's Political Structure and Decision-making Process // Centre for International Governance Innovation. CIGI Papers. – 2018. – N 208. – Vii, 38 p.

Lisimba A.F. China's Trade and Investment in Africa: Impact on Development, Employment Generation & Transfer of Technology. – Germany : Springer Nature Singapore, 2020. – 339 p.

Lu W., Zhao X. Liang Shuming's Viewpoint of Chinese and Western Cultures in the Substance of Chinese Culture (SUBS-CC) // Contemporary Chinese Thought. – Vol. 40, N 3. – 2009. – P. 52–66. – DOI: 10.2753/CSP1097-1467400303.

Mourao P.R. What is China seeking from Africa? An analysis of the economic and political determinants of Chinese Outward Foreign Direct Investment based on Stochastic Frontier Models // China Economic Review. – 2018. – Vol. 48, April. – P. 258–268. – DOI: 10.1016/j.chieco.2017.04.006.

Prebisch R. Power, Principle, and the Ethics of Development. – Buenos Aires : IDB-INTAL. – 2006. – 126 p.

Xu Zh., Zhang Yu, Lightening up Africa: The effects of Chinese aid on the economic development in Africa // China Economic Quarterly International. – Vol. 2, issue 3. – 2022. – P. 178–189.

Инь Юэ. Политика Великих держав в отношении Африки и ответ Китая // Международные дела = 殷悦. 大国对非政策的调整与中国的应对之策 // 世界知识. – 2022. – № 1. – С. 20–23. – Кит. яз.

Ли А. Обеспечение безопасности китайских мигрантов за рубежом: расширение сфер и повышение уровня

ответственности // Исследования общественной безопасности = 李安山. 中国国际移民的安全保护:责任的提升与外延 // 公安学研究. – 2018. – № 5. – С. 1–9. – Кит. яз.

Ли С., Чжан Ч. Воображаемые братья или реальные партнеры? – Исторический нарратив китайско-африканских отношений // Пекинский культурологический вестник = 李小云, 张传红. 想象的兄弟, 还是现实的伙伴? ——中非关系的历史叙事 // 文化纵横. – 2022. – № 4. – С. 14–22. – Кит. яз.

Ло Цз. Как понимает КПК особенности исторического развития и теоретические аспекты африканских реалий // Западная Азия и Африка = 罗建波. 中国共产党非洲观的历史演进与理论

特色 // 西亚非洲. – 2022. – № 5. – С. 43–66. – Кит. яз.

У Ч., Хэ Ян, Вэй Б. Взгляд Си Цзиньпина на китайско-африканские отношения в Новую эру: исторические предпосылки, идеология и практическая значимость // Западная Азия и Африка = 吴传华, 贺杨, 卫白鸽, 习近平新时代中非合作观:时代背景、思想内涵与实践价值 // 西亚非洲. – 2022. – № 5. – С. 67–85. – Кит. яз.

Чжан И., Пан Цз. Анализ китайской внешней политики с точки зрения визита ЧжоуЭньлая в 10 африканских стран // Журнал Государственного музея Китая = 张颖, 潘敬国. 从周恩来访问非洲十国看中国外交政策的调整 // 中国国家博物馆馆刊. – 2019. – С. 47–57. – Кит. яз.

Political Processes in the Changing World

DOI: 10.31249/kgt/2022.04.03

China and Modeling of the “New Geopolitical Reality” in Africa

Evgeny I. ZELENEV

DSc, Professor, Director of the Institute of Asian and African Studies of the Higher School of Economics – St. Petersburg
Embankment Griboedov Canal, 123a, Saint Petersburg, Russian Federation, 190068
E-mail: ezelenov@hse.ru
ORCID: 0000-0001-6602-1806

Maria A. SOLOSHCHEVA

PhD, Associate Professor of the Department of Chinese, Southeast and South Asian Studies of the Higher School of Economics – St. Petersburg
Embankment Griboedov Canal, 123a, Saint Petersburg, Russian Federation, 190068
E-mail: msoloshcheva@hse.ru
ORCID: 0000-0002-4377-3244

CITATION: Zelenev E.I., Soloshcheva M.A. (2022). China and Modeling of the “New Geopolitical Reality” in Africa. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 15, no. 4, pp. 41–59 (in Russian).
DOI: 10.31249/kgt/2022.04.03

Received: 01.11.2022.

Revised: 25.11.2022.

ABSTRACT. *The article is devoted to the analysis of China’s potential in Africa in the geopolitical, trade-economic, financial-investment and military strategic dimensions and their implementation to the Sino-African policy. The geopolitical and economic parameters of the development of Sino-African relations remain stable, while the military factor tends to increase. The data, provided by the authors, allow us to analyze, which of the countries-followers of the PRC are under the strategic geopolitical guardianship of China to the extent that allows them to protect Chinese interests in these countries comprehensively, that is, both politically and militarily. The authors conclude that stable and strong relations between the African countries-followers of*

China and the PRC in the foreseeable future will inevitably come into conflict with the interests of other global players in Africa, primarily the United States. The economic content of the concept of a follower-country is increasingly colored by a neocolonial meaning, when overcoming the backwardness of African follower-countries from their leader-countries not only did not decrease, but also artificially preserved and even increased. The positive meaning of the concept of a follower-country was devolved so much that a country could be a follower of not necessarily one, but two or even more global geopolitical players. In the period from 2017 to 2022, the military aspect in the justification of the PRC’s foreign policy took an important place, and in the conflict zones of

Asia and Africa came out on top, thereby completing the design of the Chinese geopolitical doctrine of global leadership.

KEYWORDS: *Sino-African relations, global leadership, new geopolitical reality, Scramble for Africa, China.*

References

- Acemoglu D., Robinson J.A. (2013). *Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty*. Great Britain : Profile Books Ltd., 560 pp.
- Amin S. (1973). *Neo-Colonialism in West-Africa*. Harmondsworth : Penguin Books, 298 pp.
- Cardoso F.H., Faletto E. (1979). *Dependency and Development in Latin America*. Berkley : University of California Press, 227 pp.
- Deich T.L. (2014). *China 'wins' Africa*. Moscow : Institut Afriki RAN, 380 pp. (in Russian).
- Fituni L.L. (2019). Towards a Neo-bipolar Model of the World Order: Scouting Game in Africa. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 12, no. 3, pp. 6–29 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-3-6-29.
- He A. (2018). The Emerging Model of Economic Policy Making under Xi Jinping. China's Political Structure and Decision-making Process. *Centre for International Governance Innovation. CIGI Papers*, no. 208, vii, 38 pp.
- Li A. (2018). Security protection of China's International Immigrants: Promotion and Extension of Responsibility= 李安山. 中国国际移民的安全保护:责任的提升与外延. *Journal of Public Security Science* = 公安学研究, no. 5, pp. 1–9 (in Chinese).
- Li X., Zhang Ch. (2022). Imagined Brother or Realistic Partner? – The Historical Narratives on China-Africa Relations = 李小云, 张传红. 想象的兄弟, 还是现实的伙伴? ——中非关系的历史叙事. *Beijing Cultural Review* = 文化纵横, no. 4, pp. 14–22 (in Chinese).
- Lisimba A.F. (2020). *China's Trade and Investment in Africa: Impact on Development, Employment Generation & Transfer of Technology*. Germany : Springer Nature Singapore, 339 pp.
- Luo J. (2022). Historical development and Theoretical Characteristics of CPC's View of Africa = 罗建波. 中国共产党非洲观的历史演进与理论特色. *West Asia and Africa* = 西亚非洲, no. 5, pp. 43–66 (in Chinese).
- Lu W., Zhao X. (2009). Liang Shu-ming's Viewpoint of Chinese and Western Cultures in the Substance of Chinese Culture (SUBS-CC). *Contemporary Chinese Thought*, vol. 40, no. 3, pp. 52–66. DOI: 10.2753/CSP1097-1467400303.
- Lukin A. (2022). The Sino-US Conflict in the Light of History of International Relations. *World Economy and International Relations*, vol. 66, no. 1, pp. 16–27 (in Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-1-16-27.
- Model... (2019). Voskressenski A.D. (ed.). *Model of Contemporary China Development: Appraisals, Discussions, Prognostications*. Moscow : MGIMO, Strategicheskie izyskaniya publ., 736 pp. (in Russian).
- Mourao P.R. (2018). What is China seeking from Africa? An analysis of the economic and political determinants of Chinese Outward Foreign Direct Investment based on Stochastic Frontier Models. *China Economic Review*, vol. 48, April, pp. 258–268. DOI: 10.1016/j.chieco.2017.04.006.
- Prebisch R. (2006). *Power, Principle, and the Ethics of Development*. Buenos Aires : IDB-INTAL, 126 pp.
- Wu Ch., He Y., Wei B. (2022). Xi Jinping's View of China-Africa Cooperation in the New Era: Historical Background, Ideological Connotation and Practical Value = 吴传华; 贺杨; 卫白鸽; 习近平新时代中非合作观: 时代背景、思想内涵

与实践价值. *West Asia and Africa* = 西亚非洲, no. 5, pp. 67–85 (in Chinese).

Xu Zh., Zhang Yu (2022). Lightening up Africa: The effects of Chinese aid on the economic development in Africa. *China Economic Quarterly International*, vol. 2, no. 3, pp. 178–189. DOI: 10.1016/j.ceqi.2022.08.004.

Yin Y. (2022). Great Power's African Policy Adjustment and China's Reply = 殷悦. 大国对非政策的调整与中国的应对之策. *World Affairs* = 世界知识, no. 1, pp. 20–23 (in Chinese).

Zakharov A.N., Rusak N.A. (2018). Foreign trade of China with African countries. *Russian Foreign Economic Bulletin*, no. 4, pp. 68–75 (in Russian).

Zelenev E.I., Soloshcheva M.A. (2021a). 20 years of China politics in Africa: from the past towards future. *Asia and*

Africa Today, no. 1, pp. 5–14 (in Russian). DOI: 10.31857/S032150750013956-3.

Zelenev E.I., Soloshcheva M.A. (2021b). Military Strategy and Military Presence of the PRC in Africa: a Comparative Historical Analysis. *Comparative Politics*, no. 3, pp. 142–164 (in Russian). DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10033.

Zelenev E.I., Soloshcheva M.A. (2022). China in Africa: from partner countries to follower countries. Part 1. *Asia and Africa Today*, no. 7, pp. 12–21 (in Russian). DOI: 10.31857/S032150750020973-2.

Zhang Y., Pan J. (2019). Analysis of the Adjustment of China's Foreign Policy from Zhou Enlai's Visits of Ten African Countries = 张颖, 潘敬国. 从周恩来访问非洲十国看中国外交政策的调整. *Journal of National Museum of China* = 中国国家博物馆馆刊, no. 10, pp. 47–57 (in Chinese).